

НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. ¹⁾

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХІІ.

Степановъ и Глѣбовъ уѣхали. Стало скучнѣй, — Полубенко былъ человѣкъ молчаливый, рано укладывался спать, а Бѣлокрыловъ и Сорочкинъ ничего не читали, ничѣмъ не интересовались.

Скучно стало и потому, что вступала въ свои права осень. Съ каждымъ днемъ рѣдѣла на липахъ листва, все виднѣй становились крыши монастырскихъ зданій; осины и березы стояли уже голыя, только кое-гдѣ на нихъ висѣли еще буро-желтые, сморщенные листочки; сдались даже упорные дубы, и на нихъ листва начала желтѣть и падать. Опавшіе листья мягко шуршали подъ ногами, посвѣжѣвшій воздухъ приобрѣлъ особую прозрачность. Пролетали на югъ въ недосыгаемой вышинѣ треугольнички журавлей, „кочерги“ дикихъ гусей. Журавли казались летящими черными крестами. Начали сѣдѣть бѣлки и бѣлѣть зайцы.

Особенно чувствовалась осень въ дождливыя, вѣтренныя ночи, когда лѣсъ гудѣлъ протяжно и печально. Этотъ гулъ и монотонный журчащій шумъ дождя въ крышу навѣвали тоску на Марью Семеновну, и она подолгу лежала безъ сна, всматриваясь широко-открытыми глазами въ непроглядную тьму ночи. А Петръ Ивановичъ спалъ въ дождливыя ночи, подъ гулъ и рокоть, еще крѣпче. Марья Семеновна удивлялась ему и даже сомнѣвалась въ его искренности, когда онъ увѣрялъ, что любитъ ненастныхъ осеннія ночи не меньше яркихъ весеннихъ дней. Но Петръ Ивановичъ говорилъ правду, — всѣ проявленія лѣсной жизни нравились ему, во всемъ находилъ онъ своеобразную прелесть.

¹⁾ Продолженіе. См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. X.

жизни землемѣровъ, особенно ужинъ. Обѣдали порознь, по мѣрѣ возвращенія съ работы, а ужинали всѣ вмѣстѣ. Ъсть почти не хотѣлось, и ужинъ являлся скорѣе развлеченіемъ, чѣмъ потребностью.

Смѣшила своими разказами о „буйномъ“ годѣ новая кухарка Ульяна, медлительная, одѣтая во все черное, баба, похожая на монашенку.

Собственно въ томъ, что разказывала Ульяна, не было ничего смѣшного. Чуть ли не каждый день, всегда по-разному, разказывала она, какъ случился бунтъ въ ихъ деревнѣ,—мужики распахали помѣщичью землю и стали рубить для своихъ надобностей помѣщичій и монастырскій лѣсъ. Приѣхали казаки, пороли мужиковъ нагайками и забрали въ тюрьму семерыхъ „зачинщиковъ“, въ числѣ которыхъ попали сынъ и двоюродный братъ Ульяны.

Брата подержали и выпустили, а сынъ „нагрубилъ какому-то начальнику“, и его сослали въ Сибирь на три года. Вернулся онъ оттуда больнымъ, кашлялъ и харкалъ кровью, и вотъ уже второй годъ живетъ „ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ“,—не выздоравливаетъ и не помираетъ, а между прочимъ сынъ родился у него, да дочь еще до ссылки была.

Исторія грустная, и, разказывая ее, Ульяна часто плакала, но такой сумбуръ былъ у нея въ головѣ, такъ она путала событія и коверкала слова, называя забастовку „потасовкой“, социальдемократовъ — „сцываль-нимакратами“, митингъ — „титингомъ“, прокламаціи—„кармааціями“ и т. д., что землемѣры не могли удержаться отъ смѣха. Марья Семеновна сердилась на нихъ, стыдила, особенно Бѣлокрылова, который подзадоривалъ Ульяну къ разказамъ и хохоталъ больше всѣхъ, но и сама часто смѣялась.

Въ пятницу, сейчасъ же послѣ разбора покупокъ, сѣли за карты. Сложили планъ вдвое, очистивъ половину стола. Бѣлокрыловъ положилъ полтинникъ въ банкъ и перетасовалъ карты. Начали играть осторожно, ставили по пятачку и гривеннику, банкъ увеличивался туго, иногда уменьшался до двугривеннаго. Становилось скучно.

Принесшіи почту Александръ Ивановичъ сначала только смотрѣлъ, потомъ поставилъ пятачокъ и выигралъ, поставилъ весь гривенникъ и опять выигралъ. Осмѣлившись, Александръ Ивановичъ пошелъ на весь банкъ, въ которомъ было восемьдесятъ копеекъ, и получилъ два туза. Онъ весь просіялъ, вынулъ

изъ кармана шпильку, закололъ ею свернутые на затылкѣ волосы и сѣлъ метать банкъ.

Когда, въ первомъ часу ночи, сошла внизъ увлекшаяся чтеніемъ писемъ и газетъ Марья Семеновна, игра была въ полномъ разгарѣ. Лица игроковъ поблѣднѣли, глаза горѣли.

— Полтинникъ... По банку... Двадцать одно... Тѣфу! перебралъ!—слышались отрывистыя восклицанія. Изъ сосѣдней комнаты доносился переливчатый храпъ Полубенка.

— Ужинать скоро будемъ, господа?—спросила Марья Семеновна.

— Погоди, не хотимъ,—отмахнулся Петръ Ивановичъ, которому сильно везло.

Кончили въ третьемъ часу. Выигралъ Вагинъ и немного Александръ Ивановичъ; около четырехъ рублей проигралъ Сорокинъ и больше пяти—Бѣлокрыловъ.

Въ воскресенье, вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ, пришелъ играть и Владиміръ Сергѣевичъ. На этотъ разъ проиграли до свѣту и на работу въ понедѣльникъ вышли въ одиннадцать часовъ.

Играть стали почти каждый день. Отъ скуки садилась за карты и Марья Семеновна. Она не знала правилъ игры, и ей все время приходилось показывать, играла спокойно и всегда счастливо. Больше другихъ волновались Александръ Ивановичъ и Бѣлокрыловъ. Послѣдній, какъ ребенокъ, радовался выигрышу и чуть ли не плакалъ, когда проигрывалъ.

Какъ всегда при однихъ и тѣхъ же игрокахъ, игра являлась толченіемъ воды въ ступѣ,—нынче выигрывалъ одинъ, завтра другой. Постоянные выигрыши Марьи Семеновны едва покрывали проигрыши Петра Ивановича, и только монахи, игравшіе заодно, были неизмѣнно въ небольшомъ, никогда не превышавшемъ рубля, выигрышѣ.

ХІІІ.

Наканунѣ Воздвиженья землемѣры собирались ко всенощной и сказали объ этомъ Иринарху, но вечеромъ Марья Семеновна захворала,—появилась тошнота и головокруженіе. Не пошелъ ко всенощной и Вагинъ. Полубенко завалился спать. Бѣлокрыловъ съ Сорокинымъ подумали, подумали и поѣхали съ острогой.

Съ острогой началъ ѣздить Вагинъ еще въ началѣ сентября. Сопровождалъ его Бѣлокрыловъ. Въ первую ночь нарубили рыбы на хорошую уху, потомъ ночей пять добывали понемножку, а

На монастырской колокольніѣ печально перезванивали колокола. Въ церкви теперь вынесли крестъ въ вѣнкѣ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и торжественно поють: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“...

Слезы подступили къ горлу. Было мучительно жаль невозвратно прошедшаго дѣтства, когда жизнь казалась волшебной, чудной сказкой, когда была только одна забота,—о томъ, чтобы вездѣ успѣть и всѣмъ насладиться...

Что-то вдругъ шевельнулось подъ сердцемъ и тихо застучало, словно билъ кто-то тонкимъ, мягкимъ молоточкомъ. Марья Семеновна вздрогнула испуганно и радостно, и замерла...

У нея будетъ ребенокъ, она вмѣстѣ съ нимъ переживетъ снова свое дѣтство, невозможное станетъ возможнымъ... До сихъ поръ „это“ казалось лишь несчастьемъ, неизбѣжнымъ зломъ, теперь въ немъ открылся источникъ такой свѣтлой, тихой радости. Еще не знала, въ чемъ она, эта радость, но уже смутно чувствовала ее, предугадывала...

Хотѣла разбудить мужа и сказать ему о своемъ счастьѣ, но раздумала,—этого не выразишь словами,—и лишь осторожно приодѣла съезжившагося Петра Ивановича своей шубой...

Церковь сіяла сотнями огней, сверкало золото иконостаса, ризы иконъ, синеватый кадильный дымъ плавалъ волнистыми облаками. Было много молящихся изъ деревень и Грабовца. Служилъ архимандритъ, два іеромонаха и высокій, широкогрудый іеродіаконъ съ громоподобнымъ, рыкающимъ басомъ. Пѣлъ монастырскій хоръ въ полномъ составѣ.

Служили неторопливо, торжественно и благолѣпно; отъ множества горящихъ свѣчей и дыханья богомольцевъ было невѣроятно душно, входныхъ дверей не затворяли, но свѣжесть осенней ночи чувствовалась только въ притворѣ, тоже полномъ молящихся.

Иринархъ, въ праздничной рясѣ и клобукѣ, съ сверкающимъ на груди крестомъ, стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, у правой колонны, поддерживавшей церковный куполь. Онъ былъ совершенно трезвъ и потому печаленъ.

Нервно оправляя широкія рукава, Иринархъ то и дѣло оглядывалъ церковь, ища землемѣршу. Сначала онъ старался дѣлать это незамѣтно, а потомъ пересталъ остерегаться.

Землемѣрши не было. Нѣсколько разъ испуганно замирало сердце монаха при взглядѣ на стройную фигуру приѣзжей барыш-

вотъ, и оттуда теплота расходилась по всему тѣлу, мысли туманились.

Кое-какъ раздѣвшись, Ирнархъ уснулъ, но и во снѣ видѣлъ землемѣршу. Шла она по завядшей травѣ вдоль „Поганки“, и за ней, тамъ, гдѣ ступали ея ноги, ярко зеленѣла травка и расцвѣтали невиданные прекрасные цвѣты...

XIV.

Сквозь сонъ Петръ Ивановичъ слышалъ какой-то стукъ, и казалось ему, что стучить это телѣга. Приѣхалъ уже Прохоръ, а Вагину такъ еще хочется спать...

— Петя, Петя, проснись,—кто-то стучить,—шопотомъ будила мужа Марья Семеновна.

— А? Что?—сонно пробормоталъ Петръ Ивановичъ.

— Стучить кто-то въ дверь...

— Чего же ты не спросишь?—брюзжалъ Вагинъ.—Кто тамъ?

— Это я, Петръ Ивановичъ,—раздался за дверью смущенный голосъ Бѣлокрылова. — Чай пить пора... Щуку мы срубили въ шестнадцать съ половиной фунтовъ...

— Ну!? Сейчасъ иду...

Вагины одѣлись и сошли внизъ. Въ кухнѣ на лавкѣ лежала щука. Поражала не длина ея, а толщина; огромная зубастая пасть рыбы была раскрыта, у самого основанія головы зіяла страшная рана.

Бѣлокрыловъ, захлебываясь отъ волненія, рассказывалъ, какъ принялъ щуку сначала за бревно, потомъ разсмотрѣлъ плавники и, нацѣлившись, ударилъ изо всей силы острой.

— ...Чувствую, возится она на острогѣ, шесть дрожить, какъ въ лихорадкѣ. Я приподнялъ ее и опять ударилъ въ дно, потомъ еще разъ... Перестала она биться, вытащили...

— Подъ утро, что ли?—спросилъ Вагинъ съ плохо скрываемой завистью къ удачѣ товарища.

— Какое подъ утро!—въ двѣнадцать часовъ ужъ дома были...

Пришелъ монастырскій рыбакъ, поглядѣлъ на щуку и похвалилъ ударъ:

— По-рыбацки срублена,—въ самый загривокъ...

То и дѣло приходили монахи. Ахали, изумлялись, мѣрили щуку четвертями, потомъ аршиномъ, заглядывали въ пасть, пробовали пальцами остроту зубовъ... Перебывало почти все населеніе монастыря, приходилъ даже толстый, страдавшій одышкой содержатель постоялаго двора Сидоръ Полкарповичъ.

— Знаю, знаю, за деньгами... Вы вмѣсто Христіана Густавовича. Хорошій человѣкъ былъ, даромъ что католикъ...

— Развѣ качества человѣка зависятъ отъ вѣроисповѣданія?— усмѣхнулся Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, я не къ тому, а враждебности у него не было къ православнымъ...

— Да вѣдь онъ столько же католикъ, сколько я православный...

— Да, да, знаю,—заторопился архимандритъ.—Сколько же вамъ нужно-то?

— Двѣсти рублей.

— Хорошо. Сейчасъ. Володя! Принеси-ка, голубчикъ, чернилъ и бумаги...

Владиміръ Сергѣевичъ подаль серебряный чернильный приборъ и стопку почтовой бумаги.

Вагинъ написалъ расписку. Архимандритъ принесъ пукъ кредитокъ. Петръ Ивановичъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и сталъ прощаться.

— Въ другой разъ приходите чайку попить,—любезно говорилъ архимандритъ.—Теперь-то я уѣзжаю... А рыбу пришлите,—любопытно поглядѣть...

За обѣдомъ ѣли уху изъ щуки и жаркое изъ нея же. Рыба оказалась чрезвычайно жирной и приторной, пахло отъ нея тигной, но всѣмъ такъ надоѣло мясо, что ѣли съ большимъ аппетитомъ.

Сейчасъ же послѣ обѣда сѣли за карты. Пришли монахи. На улицѣ то и дѣло взвизгивали гармоники.

— Ишь какъ разгулялись; рады, что архимандритъ уѣхалъ,—замѣтилъ Вагинъ.

— Онъ часто уѣзжаетъ, а разгулялись потому, что праздникъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ, тасуя карты.

— Куда уѣзжаетъ?

— Въ Грабовецъ, на подворье...

— Жена у него въ Грабовцѣ-то,—добавилъ возившійся надъ планомъ Полубенко.

— Сплетни, навѣрное,—вспыхнула Марья Семеновна.

— Не сплетни, а правда,—горячо вмѣшался Бѣлокрыловъ.— У нихъ у всѣхъ тутъ...

Монахи смущенно молчали. Александръ Ивановичъ, чтобы замѣять непріятный разговоръ, спросилъ, гдѣ срубили щуку. Маневръ удался, Бѣлокрыловъ съ увлеченіемъ сталъ рассказывать всѣмъ уже надоѣвшую исторію о поимкѣ щуки.

Игра продолжалась до вечера, чай пили за картами. Вечеромъ пришелъ пьяный Иринархъ. Монахи сдѣлали видъ, что лишь смотрять на игру, а сами не играютъ. Марья Семеновна кончила играть еще въ сумерки. Разыграли банкъ и прекратили игру. Бѣлокрыловъ принесъ гитару.

— Повеселѣй что-нибудь, голубчикъ, душа болитъ,—попросилъ Иринархъ.

Бѣлокрыловъ заигралъ сѣни. Иринархъ крѣпился недолго, сталъ притопывать, шевелить плечами и, наконецъ, пустился въ плясъ.

— Отецъ Иринархъ, что вы! Нехорошо!—вскочилъ Александръ Ивановичъ.—Пойдемте, я васъ провожу...

Иринархъ смущенно поглядѣлъ на землемѣровъ, глубоко вздохнулъ и, махнувъ рукой, покорно пошелъ съ Александромъ Ивановичемъ.

Проводивъ Иринарха, Александръ Ивановичъ возвратился въ чертежную и еще съ порога заявилъ, что банкъ метать ему.

Игра пошла съ прежнимъ азартомъ. Нѣсколько разъ входила Марья Семеновна, взглядывала въ блѣдное, взволнованное лицо мужа и опять уходила.

Кончили въ три часа. Результатъ двѣнадцатичасовой игры былъ мизерный, монахи выиграли сорокъ копеекъ. Вагинъ и Бѣлокрыловъ проиграли по двадцати копеекъ, Сорокинъ остался „при своихъ“.

XV.

Приближалась зима, холоднѣй становились ночи, совсѣмъ ужъ бѣлые стали зайцы. Дня черезъ два послѣ Воздвиженья случился первый утренникъ. Бѣлой прозрачной дымкой подернулась желтая, сухая трава, посѣрѣли черныя колени дороги, еще холодное утреннее солнце зажгло на землѣ миллионы голубыхъ искръ. Сразу порѣдѣла листва на все еще крѣпившихся дубахъ, облетѣли послѣдніе листья съ оголенныхъ липъ. Было какъ-то особенно свѣжо и легко, холодная вода при умыванѣ обжигала лицо.

Днемъ обогрѣло, призрачный бѣлый налетъ поднялся къ блѣдному небу тонкимъ паромъ, но къ вечеру опять похолодѣло, а ночью шелъ дождь со снѣгомъ.

Марья Семеновна не спала всю ночь и дрожала отъ холода, утромъ у нея заболѣли зубы. Петръ Ивановичъ рѣшительно заявилъ, что переселяется въ столовую, такъ какъ дольше жить въ нетопленномъ мезанинѣ нѣтъ никакой возможности.

Рабочіе мигомъ перенесли кровати и чемоданъ, Марья Семеновна стала устраиваться на новосельѣ, а Петръ Ивановичъ поѣхалъ на работу. Вечеромъ онъ не узналъ столовой: у стѣнъ стояли чисто прибранныя постели, на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, въ простѣнкѣ стоялъ столъ, покрытый вязаной скатертью, на немъ небольшое зеркальце, книги и лампа. Жарко топилась плита, Марья Семеновна ходила по комнатѣ и вполголоса напѣвала, очень довольная новосельемъ.

Иринархъ сталъ пить меньше, до вечера почти ежедневно бывалъ трезвъ, тихъ и печаленъ, одѣвался всегда въ чистый черный подрясникъ. Замѣтно для всѣхъ искалъ онъ общества Марьи Семеновны, что давало неистощимую тему для шутокъ надъ нимъ со стороны землемѣровъ.

Марья Семеновна любила разговаривать съ Иринархомъ; сужденія его часто поражали ее своей оригинальностью и глубиной. Держался монахъ съ ней деликатно и корректно, только тяжелый взглядъ его воспаленныхъ, полубезумныхъ глазъ смущалъ Марью Семеновну и будилъ смутную, жуткую тревогу въ ея душѣ.

Вагинъ далъ женѣ слово не играть въ карты и не играть, что совсѣмъ было разстроило игру, но потомъ все пошло попрежнему; разница была только въ томъ, что теперь играли двое на двое, монахи съ одной стороны, Бѣлокрыловъ и Сорокинъ—съ другой. Вскорѣ послѣ Воздвиженья, когда игра еще не совсѣмъ наладилась, уговорили поиграть Полубенка. Тотъ согласился. Просидѣлъ до двѣнадцати часовъ и выигралъ три рубля съ копейками. Какъ ни упрашивали его потомъ, какъ горячо ни доказывали, что „съ выигрышемъ не уходятъ“, Полубенко играть больше не соглашался.

Играла иногда и Марья Семеновна, но Петръ Ивановичъ твердо держался своего слова. По вечерамъ онъ ходилъ караулить къ падали. Пала монастырская лошадь верстахъ въ двухъ отъ монастыря; сняли съ нея шкуру, оттащили ободранную тушу сажень на двадцать отъ дороги и бросили. По первому снѣгу Вагинъ замѣтилъ, что къ тушѣ ходятъ лисы, и сталъ караулить по ночамъ.

Долго ничего не удавалось убить. Вагинъ уже хотѣлъ бросить свою затѣю, но совершенно неожиданно въ одинъ вечеръ убилъ двухъ хорей, пришедшихъ на падалъ. Послѣ этого Петръ Ивановичъ сталъ ходить къ падали каждый вечеръ, если только позволяла погода, чему былъ очень радъ Бѣлокрыловъ, отчаянно ухаживавшій за Марьей Семеновной и не замѣчавшій, что та смѣется надъ нимъ.

Снѣгъ, выпавшій вскорѣ послѣ Воздвиженья, растаялъ, шли дожди, нѣсколько разъ опять выпадалъ снѣгъ, но скоро таялъ. Случались изрѣдка даже теплые, ясные дни, напоминавшіе лѣто. Ночи послѣ такихъ дней казались особенно холодными, а утромъ всегда бывали звонкіе, серебристые морозцы. Въ такія холодныя лунныя ночи особенно любилъ ходить на пададь Петръ Ивановичъ. Марья Семеновнѣ не нравились охотничьи экскурсіи мужа, и она даже уговаривала его лучше поиграть въ карты.

— Да чего ты волнуешься-то, посижу и приду, — говорилъ Петръ Ивановичъ, осматривая на свѣтъ лампы стволъ ружья.

— Я боюсь, что тебя искусаютъ рыси, — виновато улыбнулась Марья Семеновна.

Вагинъ отъ души расхохотался.

— Это съ ружьемъ-то и съ браунингомъ? — сказалъ онъ. — Сколько же для этого рысей-то нужно? Пожалуй, во всемъ монастырскомъ лѣсу столько-то нѣтъ...

— Ну, всетаки, — не сдавалась Марья Семеновна. — Ты бы хоть Шарика съ собой бралъ...

— Онъ только мѣшать будетъ... До свиданія, и не глупи, никто меня не съѣстъ, самъ всѣхъ съѣмъ, — пошутилъ Петръ Ивановичъ, щелкая затворомъ ружья и нахлобучивая шапку.

Проводивъ мужа, Марья Семеновна пошла въ чертежную. Тамъ уже шла игра, сѣла и Марья Семеновна. Монахи выигрывали, Бѣлокрыловъ горячился и проигрывалъ, Сорокинъ недовольно сопѣлъ.

Полтинникъ, поставленный въ банкъ Александромъ Ивановичемъ, быстро утроился. Монахъ поправилъ засученные рукава подрясника и сдалъ карты въ послѣдній разъ.

— По банку, — дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Бѣлокрыловъ. Взялъ онъ карту, потомъ еще одну. Подумалъ и попросилъ еще. Пришла десятка. Бѣлокрыловъ плюнулъ и злобно швырнулъ карты.

— Перебрали? — обрадовался Александръ Ивановичъ.

Бѣлокрыловъ молча поставилъ полтора рубля. Владиміръ Сергѣевичъ пошелъ на гривенникъ и проигралъ.

— Рубль, — заявила Марья Семеновна.

Александръ Ивановичъ далъ карту. Марья Семеновна показала туза и десятку.

— Двадцать одно!

Александръ Ивановичъ недовольно крикнулъ и подвинулъ ей два полтинника. Пошелъ на рубль Сорокинъ и проигралъ. Александръ Ивановичъ бросилъ карты и сгрѣбъ деньги въ карманъ.

— Я поставлю, господа, рубль? — нерѣшительно произнесъ Бѣлокрыловъ, беря карты.

— Сразу отыграться хотите, — усмѣхнулась Марья Семеновна.

— Ничего, ничего, ставьте, — согласился Александръ Ивановичъ.

Игра пошла вяло, монахи ставили по пятачку и гривеннику. Марья Семеновна выигрывала, неизмѣнно проигрывалъ Сорокинъ, что больше всего злило Бѣлокрылова.

Банкъ только однажды достигъ полутора рублей, а потомъ сталъ медленно уменьшаться. Остался, наконецъ, только двугривенный. Александръ Ивановичъ поставилъ пятачокъ и проигралъ, Владиміръ Сергѣевичъ столько же выигралъ. Терпѣніе Бѣлокрылова лопнуло. Онъ швырнулъ карты и сказалъ, едва сдерживая слезы обиды и злости:

— Сами выигрываютъ рублями, а ставятъ пятаками..

— Каждый воленъ ставить столько, сколько хочетъ, было условіе только, чтобы не меньше пятака, — спокойно возразилъ Александръ Ивановичъ.

— Вы заодно играете... Это нечестно, — пробормоталъ Сорокинъ.

— Вы тоже заодно, — отпарировалъ Александръ Ивановичъ.

— Кто вамъ сказалъ? — вспыхнулъ Бѣлокрыловъ.

— Развѣ не видно. Чай, не маленькіе...

— Будетъ вамъ, господа, ругаться-то, — вмѣшалась Марья Семеновна. — Каждый играетъ для того, чтобы выиграть, а Георгій Тихонычъ хочетъ, чтобы другіе проигрывали...

— Ничего я не хочу, а играть больше не стану.

Бѣлокрыловъ всталъ, принесъ изъ спальни гитару и сталъ нервно перебирать струны. Монахи усѣлись рядышкомъ на лавкѣ. Марья Семеновна встала и пошла къ себѣ. Какъ разъ въ этотъ моментъ пришелъ Иринархъ. Онъ былъ въ тепломъ полукафтанѣ съ бархатнымъ воротникомъ.

Монахъ проводилъ женщину внимательнымъ взглядомъ и глубоко вздохнулъ. Александръ Ивановичъ лукаво подмигнулъ Бѣлокрылову.

— Напрасно вы въ монастырь-то пошли, отецъ Иринархъ, — усмѣхнулся тотъ.

— А что?

— Да вотъ отбили бы у Вагина жену-то.

Сорокинъ захихикалъ. Иринархъ нахмурился.

— Бабенція законная, — поддержалъ Полубенко. — Глаза — такъ прямо ядъ...

— Перестаньте болтать, голубчики, нехорошо...

— Почему нехорошо, отецъ Иринархъ? А всетаки скажите, зачѣмъ вы въ монастырь-то пошли?

— Не поймете вы, не вашего ума это дѣло,—серьезно сказалъ Иринархъ.—За правдой и красотой пошелъ...

— Ну, какая же красота въ монастырѣ,—ухмыльнулся Бѣлокрыловъ.—Женщины—вотъ это красота.

— Женская красота—временная, преходящая, а я искалъ нетлѣнной красоты...

— Это мощи, что ли?—спросилъ Полубенко.

— Не говори, голубчикъ, не говори...—торопливо перебилъ Иринархъ.

— Почему не говорить?—спросилъ Бѣлокрыловъ.—Вы говорите свое, а мы свое...

— Нельзя такъ смѣяться...

XVI.

Наканунѣ Покрова выпалъ довольно глубокой снѣгъ, дня три поморозило, а потомъ опять потеплѣло. Моросило, снѣгъ таялъ, сѣрый промозглый туманъ висѣлъ надъ землей, съ вѣтвей деревьевъ падали крупныя, холодныя капли. Снѣгъ, однако, всеѣмъ уже не растаялъ, а скоро его еще подсыпало. Зима дѣлала послѣднія усилія, отступала подъ дыханіемъ тепла и снова забирала силу. Къ половинѣ октября снѣгъ легъ окончательно, хотя еще тонкимъ, неровнымъ покровомъ, такъ что ѣздить продолжали на телѣгахъ, но лѣсъ уже принялъ вполне зимній характеръ.

Пріѣзжалъ два раза Конакевичъ, всего на нѣсколько часовъ, такъ что Вагинъ и Полубенко, возвращавшіеся съ работы позднѣе другихъ, не заставляли его. Марья Семеновна передавала, что видимо примпрившійся съ отложеніемъ нарѣзки лѣсосѣкъ до весны и подсчитавшій свои барыши Конакевичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ первый свой пріѣздъ онъ привезъ Марьѣ Семеновнѣ большую коробку конфетъ, во второй—винограду.

Рабочіе жаловались, что въ зимницѣ становится холодно, и съ нетерпѣніемъ ждали конца работъ въ дальнемъ участкѣ. Бурлинка замерзла, и хотя ледъ былъ еще тонкій и по всеѣмъ направленіямъ черылли огромныя полыньи, рабочіе устроили переправу по льду, настлавъ на него сучьевъ.

Полубенко, намѣревавшійся кончить свою часть планшета въ

мѣсяцъ, проработалъ почти полтора, но кончилъ всетаки раньше Вагина и уѣхалъ домой вечеромъ, въ день окончанія работъ, несмотря на вьюгу, которая выла и грохотала въ лѣсу всю ночь.

Къ утру стихло, снѣгу выпало на полъ-аршина, установился санный путь. Вагинъ поѣхалъ закапчивать работу на розвальняхъ.

Ослѣпительно блестяль подъ лучами низкаго зимняго солнца снѣгъ, испещренный въ чащахъ слѣдами лѣсныхъ обитателей. Въ березовомъ долу, верстахъ въ трехъ отъ монастыря, спугнули большую стаю тетеревей. Черныя и сѣрыя птицы перелетали съ дерева на дерево, гулко хлопая въ морозномъ воздухѣ сильными крыльями, кружились надъ санями.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ,—пожалѣлъ Вагинъ.

— А вы изъ ливольверта ихъ,—посоветовалъ Прохоръ.

— Не попадешь... Развѣ попробовать,—нерѣшительно проговорилъ Петръ Ивановичъ, вынимая браунингъ. Прицѣлился въ ближайшаго красноброваго красавца и выстрѣлилъ.

Лошадь захрапѣла, взягнула задними ногами и во весь духъ помчалась по дорогѣ. Прохоръ какъ-то ужъ очень легко вылетѣлъ изъ саней и кубаремъ покатился внизъ по бѣлому откосу. Рѣзкій морозный вѣтеръ билъ въ лицо, дыханіе захватывало, мелкій, колючій снѣгъ слѣпилъ глаза; почти сливаясь въ сплошной заборъ, мчались назадъ толстые, прямые стволы сосенъ, сани прыгали и мотались изъ стороны въ сторону, словно утлая лодка въ бурю...

Вагинъ сунулъ въ карманъ браунингъ, легъ въ сани животомъ и кое-какъ досталъ зацѣпившіяся за передокъ саней вожжи. Замотавъ ихъ на руки, Петръ Ивановичъ уперся ногами въ передокъ саней и всѣмъ корпусомъ отвалился назадъ. Лошадь замотала головой, заплясала на мѣстѣ и, нѣсколько разъ взмахнувши задомъ, остановилась.

Вагинъ оглянулся на далеко позади чернѣвшуюся фигуру бѣгущаго Прохора и поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

— Не ушибся?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—едва переведа духъ,—проговорилъ Прохоръ.—Ахъ ты еретица! Вотъ тебѣ, вотъ...

Прохоръ началъ хлестать лошадь кнутомъ, та опять понесла.

— Зачѣмъ ты ее бьешь, чортъ тебя возьми!—ругался Вагинъ, помогая удерживать лошадь.

— А чего она бѣсится, ровно впервой...

— И правда, странно,—изъ ружья стрѣляли съ нея сколько разъ—не пугалась, а тутъ на вотъ тебѣ...

Вагинъ разсмѣялся, сообразивъ, почему понесла лошадь.

— Патрономъ въ нее попало,—объяснялъ онъ Прохору.—Вотъ отсюда патронъ вылетаетъ, я держалъ вотъ такъ...

Вагинъ поднялъ револьверъ, лошадь дернула, оба едва усидѣли въ сѣняхъ.

— Нады поглядѣть, крови нѣтъ ли,—сказалъ Прохоръ, останавливая лошадь.

— Нѣтъ, конечно, онъ не шибко ударяетъ, ну а всетаки чувствительно,—успокоилъ Вагинъ.

Прохоръ не повѣрилъ, вылѣзъ изъ саней и внимательно осмотрѣлъ лошадь.

Случай этотъ привелъ Вагина въ хорошее расположеніе духа. Прохоръ былъ въ меланхолическомъ настроеніи и ѣхалъ тихо. Обыкновенно въ такіе дни Вагинъ всю дорогу ругался съ нимъ, а теперь онъ лишь время отъ времени поднималъ руку, и лошадь пускалась вскачь, къ немалому удивленію Прохора.

Снимали болото, лежавшее въ чащѣ молодого сосняка, росшаго по низинѣ, среди полуголыхъ холмовъ. По краю болота росла „чапыга“, до того густая, что срубленные кусты не только не падали, но выдирать ихъ приходилось съ большимъ трудомъ. Вагинъ взялъ было одну визирку самымъ болотомъ, но пришлось отказаться отъ этого, такъ какъ подъ снѣгомъ была вода.

Во время обѣденнаго отдыха Петръ Ивановичъ отошелъ въ сторону, къ небольшой рощицѣ старыхъ, но тонкихъ и низкихъ, затаившихся на торфяникѣ сосенъ. Кроны этихъ сосенъ были похожи на женскія прически съ валиками, только что начавшія входить тогда въ моду. Бѣгали по стволамъ „поползни“; одинаково хорошо ползали эти сѣрыя птички и внизъ и вверхъ. Большой черный дятель съ красной головой старательно долбилъ сухую вершину сосны. Глухо и какъ-то сиротливо было въ лѣсу въ этотъ первый настоящій зимній день. Желтое солнце свѣтило не грѣя, морозъ щипалъ лицо, съ тихимъ шелестомъ падали съ вѣтвей пухлые комья снѣгу.

Послѣ обѣда работать пришлось по ровной, почти безлѣсной луговинѣ, узкой полосой тянувшейся между соснякомъ и болотомъ. Дѣло шло скоро, тѣмъ болѣе, что морозъ вызывалъ потребность движенія.

— Конецъ!—сказалъ Вагинъ, останавливаясь у начальнаго пункта съемки.

— Сматывайте цѣпь.

— Больше ужъ нечего въ этомъ участкѣ дѣлать?—спросилъ Василій.

— Нечего, завтра около монастыря будемъ работать,—Сорокину помогать...

— Ну такъ мы сейчасъ же въ монастырь пойдёмъ, а то холодно въ зимницѣ-то...

Рабочіе дорогой весело шутили, кидались комьями снѣга, но Вагину было немного грустно, какъ будто жалѣлъ онъ, что приходится покидать этотъ далекій участокъ лѣса, съ суровой, печальной прелестью котораго сжился за три мѣсяца работы. Такъ было всегда,—работа надоѣдала, торопился кончать, а тотчасъ послѣ окончанія становилось грустно и казалось иногда, что могъ бы прожить годы въ глухомъ лѣсу, въ холодной, дымной зимницѣ.

Это настроеніе проходило такъ же внезапно, какъ и появлялось. Быстро прошло оно и на этотъ разъ. Прохора еще не было у зимницы. Вагина разсердила эта отсрочка, и лѣсъ вдругъ показался ему холоднымъ, враждебнымъ. Потянуло въ большую комнату съ жарко натопленной плитой; горячая, пріятная дрожь пробѣгала по тѣлу при воспоминаніи о стройной, гибкой фигурѣ жены...

Красноватый шаръ солнца, чуть видный сквозь чащу сосенъ, низко висѣлъ надъ землей, съ сѣвера ползли пухлыя синеватыя облака, въ кустахъ, на берегу Бурлинки, заботливо пересвистывались синицы. У входа въ зимницу горѣлъ яркій костеръ. Рабочіе, рѣшившіе ночевать въ послѣдній разъ въ зимницѣ, варили картошку.

— Завтра утромъ встанемъ, изломаемъ зимницу, запоемъ и пойдёмъ въ монастырь,—сказалъ Кузьма, подкладывая дровъ.

— Зачѣмъ же ломать-то, дурень,—возразилъ Степанъ.—Зимница прочная, десять лѣтъ простоить... Ягодницы да грибницы сколько разъ спасибо скажутъ за нее; самъ, можетъ, не разъ ночуешь...

— Весной пойдёмъ на „Хохулинъ бугоръ“ кладъ рыть, здѣсь остановимся,—добавилъ Василій.

Солнце совсѣмъ скрылось, горѣла красно-желтая заря, въ чащахъ сгустилась тьма, морозная, мертвенная тишина разливалась по лѣсу. Рабочіе, громко чавкая, ѣли сварившуюся картошку.

— Придется вамъ, Петръ Иванычъ, пѣшкомъ итти,—Прохора, должно быть, волки съѣли,—пошутилъ Василій.

Вагинъ и въ самомъ дѣлѣ собирался уже итти домой пѣшкомъ, когда чуткое охотничье ухо его уловило въ морозной тишинѣ слабый не лѣсной звукъ.

— Кажется, кричить кто-то?—сказаль онъ.

Рабочіе перестали ѣсть и прислушались. Никто изъ нихъ ничего не разслышалъ, но Вагинъ опять уловилъ слабый звукъ и теперь ужъ не сомнѣвался въ томъ, что это голосъ человѣка. Скоро разслышали крики и рабочіе, потомъ раздался топотъ копытъ и скрипъ снѣга.

Ѣхаль Прохоръ и пѣль какую-то заунывную пѣсню безъ словъ.

— Ты чего воешь-то?—спросилъ Василій.

— А звѣрей отпугиваль. Добрый вечеръ.

Прохоръ вылѣзъ изъ саней, покачнулся и едва устоялъ на ногахъ.

— Гдѣ это ты назюзюкался, парень, и чего такъ долго?—спросилъ Вагинъ.

— Извините ужъ... Выпилъ на сговорѣ,—заплетающимся языкомъ объяснялъ Прохоръ, поворачивая съ помощью Кузьмы лошадь.—Прачка дочь свою, Дуньку-то, за Валадимъ Сергѣича выдаетъ, такъ вотъ, значить, по ефтому случаю...

— Да тебѣ-то что?—спросилъ, усаживаясь въ сани, Вагинъ.

— Какъ что?—изумился Прохоръ,—чай, Дунька-то мнѣ двоюродная сестра. Н-но!!

— Ну, кто-жъ тебя зналъ,—усмѣхнулся Вагинъ.—Владиміру Сергѣевичу-то вѣдь въ солдаты итти, зачѣмъ же онъ женится?

— А свадьбу опосля призыва играть будутъ. Его не возьмутъ въ солдаты-то, потому глаза у его неправскіе, ну вотъ послѣ призыва и обвѣнчаются,—словоохотливо объяснялъ Прохоръ.—Больно Александру Иванычу не по губѣ это...

— Почему?

— Вишь, онъ себѣ Дуньку-то ладилъ. Дѣвка—первый сортъ, бѣлая да румяная, ядреная, что рѣпа, а евоная-то Лизавета ужъ въ годахъ, да и съ другими погуливаетъ...

— Такъ вѣдь ему нельзя жениться-то, монахъ онъ, хотя и рясофорный...

— Вотъ въ этомъ-то и притча... Серафима-то, Дунькина мать, значить, говорила ему: выходи, моль, изъ монастыря и женись, а ему такъ охота, потому въ міру-то работать придется, а онъ больно лѣнивъ, Александръ-то Иванычъ... Ну, и порѣшила Серафима за Владимъ Сергѣича отдать, онъ уѣздное училище кончилъ, поступить писаремъ въ казначейство али въ полицію, еще лучше, чѣмъ въ монастырѣ проживетъ...

За три мѣсяца Петръ Ивановичъ насмотрѣлся на монастырскую жизнь, наслушался разсужденій объ этой жизни, сходныхъ

съ разсужденіями Прохора, но до сихъ поръ его изумляло то, что люди простые и вѣрующіе говорятъ о женитьбѣ монаховъ, о выходѣ ихъ изъ монастыря въ силу матеріальныхъ соображеній, о пьянствѣ и скандалахъ съ такимъ философскимъ спокойствіемъ, съ такой невозмутимостью, словно такъ оно и должно быть, словно никакое другое отношеніе монаховъ къ монастырю и немыслимо...

Выѣхали на поляну. Высоко на горѣ темной, смутно-очерченной громадой поднимался монастырь, четко рисовались на звѣздномъ небѣ кресты его церквей; внизу, подѣ горой, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ группъ деревьевъ мелькали желтые привѣтливые огоньки; каждый изъ нихъ освѣщаль уголокъ той мірской жизни, отъ соблазновъ которой безуспѣшно пытался оградить себя высокими каменными стѣнами древній монастырь...

XVII.

Стояли ясные, морозные дни, тихія звѣздныя ночи. Гулко лопались деревья отъ мороза. Когда послѣ сравнительно теплага, солнечнаго дня крѣпчаль къ ночи морозъ, землѣры выходили на крыльцо слушать почти несмолкавшую въ такіе вечера, похожую на отдаленную ружейную перестрѣлку трескотню, изрѣдка гулко лопался ледъ на озерахъ, словно стрѣляли изъ пушки.

Еще въ началѣ октября по настоянію Вагина вставили въ домъ садовника зимнія рамы, но на потолкѣ не было земли, сквозь щели виднѣлась крыша, тепло не держалось, зато не жалѣли дровъ. Плиту въ столовой топили утромъ и вечеромъ, такъ сильно топили, что треснула она во всю длину, и трещина эта расширялась съ каждымъ днемъ.

Петръ Ивановичъ работалъ въ планшетѣ Сорокина. Марья Семеновна ходила въ хорошую погоду съ нимъ на работу и рѣдко видѣлась теперь наединѣ съ Иринархомъ.

Иринархъ совсѣмъ бросилъ пить, постепенно съ лица его сходили слѣды пьянства, глаза стали спокойнѣй, осмысленнѣй, но еще глубже залегла въ нихъ неизбывная тоска.

Однажды, въ холодный, выюжный день, сидѣла Марья Семеновна въ чертежной, слѣдила изъ окна за Бѣлокрыловымъ, снимавшимъ Поганое озеро, и вполголоса напѣвала „Коробушку“.

Тихо скрипнула дверь. Марья Семеновна замолчала и оглянулась. Въ полуотворенную дверь заглянулъ Иринархъ; увидѣвъ Вагину, радостно улыбнулся и вошелъ, потирая бѣлыя озябшія руки.

— Не пошли на работу-то? Холодно?— спросилъ онъ, какъ всегда, осторожно, словно боясь сломать ее, пожимая теплую, узкую руку женщины съ длинными, точно выточенными пальцами.

— Куда же итти, вонъ какъ дуетъ... Я боюсь, что и мужъ-то озябнетъ въ этакій холодъ...

— Ну, они привычные, не замерзнутъ,—успокоилъ Иринархъ, всѣмъ говорившій ты, кромѣ Марьи Семеновны, но почему-то въ разговорѣ съ ней употреблявшій множественное число по отношенію къ Петру Ивановичу.—Вотъ этотъ, маленькій-то, озябнетъ, пожалуй, одежка плохая... Сорокинъ, что ли, ему фамилія-то?

— Да, Сорокинъ... Я вотъ смотрю на Георгія Тихоньча,— сильно его пробираетъ, все время топчется да за носъ хватается...

— Въ лѣсу-то потеплѣй, здѣсь на полянѣ вѣтеръ сильнѣй... Скоро уѣдете ужъ?

— Да, говорятъ, не больше, какъ дней черезъ пять...

— Рады небось, соскучились?

— Немного соскучилась уже,—улыбнулась Марья Семеновна,— но даже жалко уѣзжать, хорошо здѣсь...

— Весной вотъ, дѣйствительно, хорошо. Вы пріѣдете весной-то?—спросилъ Иринархъ.—Мужъ-то пріѣдутъ вѣдь.

Марья Семеновна покраснѣла, вспомнивъ, что весной будетъ у нея ребенокъ.

— Можетъ быть, пріѣду... Не знаю еще...

— Пріѣзжайте, не покаетесь... Комары вотъ только одолѣвають, ну да къ нимъ привыкнуть можно...

Иринархъ походилъ по комнатѣ, поглядѣлъ въ окно на Бѣлорылова, перешедшаго съ Поганого озера на Святое, и задумчиво проговорилъ:

— Да, вотъ она жизнь-то, жили, жили, а уѣдете и забудете насъ...

Голосъ монаха дрогнулъ. Марья Семеновна поглядѣла на его длинную сѣдѣющую бороду, и стало ей жалко этого страннаго человѣка, за неряшливой внѣшностью пьяницы таившаго столько тоски и упорныхъ исканій.

— Нѣтъ, что вы, отецъ Иринархъ,—сказала она.—Сто лѣтъ проживу, и то все буду вспоминать и лѣсъ и монастырь...

— А меня будете вспоминать?—тихо спросилъ Иринархъ и, словно испугавшись своей смѣлости, опять отвернулся къ окну и нервно забарабанилъ по стеклу тонкими, сухими пальцами.

Сердце Марьи Семеновны испуганно замерло, въ тонѣ голоса Иринарха уловила она глубокія, задушевные ноты, говорившія,

что въ простыхъ словахъ его скрывался значительный, жуткій для нея смыслъ. Женщина поняла, что не нужно отвѣчать на этотъ вопросъ, за отвѣтомъ послѣдуютъ новые вопросы въ томъ же родѣ, и потому лучше промолчать.

— Шарика безъ меня кормите... Сиротой онъ останется,—смущенно сказала она, глядя по лохматому затылку сидѣвшую у ея ногъ собаку.

— Какъ же, какъ же,—встрепенулся Иринархъ.—Я и раньше его привѣчалъ, а только что промѣнялъ онъ меня на васъ. Бывало, вездѣ за мной бѣгалъ, а теперь лаесть, какъ на чужого...

Замолчалъ, задумался о ночи на Воздвиженье, когда темной тѣнью, вздрагивая отъ холода, бродилъ около дома землемѣровъ.

— Да,—встряхивая головою, произнесъ онъ.—Уѣдете, а жизнь пойдетъ своимъ чередомъ, словно и не было васъ... Умру я, а вы и не узнаете...

— Что это вы все умирать собираетесь, отецъ Иринархъ, лѣтъ-то вамъ, навѣрное, не такъ ужъ много?

— Лѣтъ—сорокъ шесть, а только дѣло не въ лѣтахъ... Да, не въ лѣтахъ. Снаружи-то я еще человѣкъ, а внутри ужъ пусто и ничего нѣтъ впереди, только смерть, яма могильная...

— А вы въ загробную жизнь вѣрите?—спросила Марья Семеновна.

Иринархъ пугливо оглянулся, сходилъ даже въ спальню и, вернувшись оттуда, тихо и скорбно произнесъ:

— Сомнѣваюсь...

Нѣсколько минутъ царило тревожное молчаніе. Иринархъ быстро ходилъ по комнатѣ. Шарикъ вертѣлъ мохнатой головою, внимательно слѣдя за монахомъ умными, сердитыми глазами.

— А Толстой вотъ вѣрилъ, хотя и еретикъ онъ съ вашей точки зрѣнія,—сказала Марья Семеновна.

— Да. Удивляюсь я ему, человѣкъ образованный, ученый... Такъ ужъ Богъ его вразумилъ... А я не могу... Простые люди, вотъ тѣ вѣрятъ. Схимникъ у насъ есть, изъ простыхъ онъ, не только писать, а и читать гражданскую печать не можетъ, но въ Писаніи весьма начитанный человѣкъ. Вотъ онъ вѣритъ. Каменной, несокрушимой вѣры человѣкъ. Слышали про него?

— Да, говорятъ, онъ страннику-сектанту въ лицо плюнулъ...

— Дѣйствительно, гнѣвный былъ старикъ, но въ остальномъ какъ ребенокъ, да и гнѣвъ-то его дѣтскій. Подлинно, что только дѣти войдутъ въ царство Божіе, въ рай. Да.

— А въ рай-то вы всетаки вѣрите?

— Да вѣдь схимникъ-то и сейчасъ въ раю: побѣдилъ соблазны

міра сего, невозмутимъ душой, единственная отрада его — молитва, никто и ничто не мѣшаетъ ей, не возмущается душа его горемъ и тоской, и вѣрить онъ, что впереди жизнь безконечная, — чего же еще нужно? чего недостаетъ ему до райской жизни... Я не могу. Нѣтъ, не могу. Голова у меня такъ устроена, что сомнѣнія приходятъ даже тамъ, гдѣ ихъ не ждешь. Умъ скептический; помимо воли и даже вопреки ей сказывается онъ... Въ первые годы монашества, послѣ неудачъ съ писаніемъ иконъ, о чемъ я рассказывалъ уже вамъ, вздумалъ я богословскими сочиненіями заняться. Написалъ книжку небольшую, вродѣ диссертациі—о непорочномъ зачатіи... Всегда я преклонялся передъ этимъ удивительнымъ по красотѣ и глубинѣ смысла догматомъ. Ну, написалъ и послалъ архіерею, а тотъ строжайшую епитимью на меня наложилъ, книгу же предалъ огню,—еретической оказалась... Да! Такъ-то и во всемъ я, къ чему ни подходилъ, все разрушалъ, все отъ моего дыханія тускнѣло... Вонъ Александръ Иванычъ идетъ, должно быть, за мной,—архимандритъ пріѣхалъ. До свиданья пока,—заторопился Иринархъ, не любившій, чтобы монахи заставляли его вдвоемъ съ Марьей Семеновной.

Ночью Марья Семеновна разбудила мужа.

— Петя, въ чертежной что-то неладно... Послушай,—шептала она.

Петръ Ивановичъ прислушался. Изъ чертежной неслись дикіе крики, иногда отчетливо долетала нецензурная брань.

— А, чтобъ ихъ чортъ взялъ!—выругался Вагинъ и, торопливо одѣвшись, вышелъ.

Лампа коптила, надъ планомъ кружились, осѣдая на него, черныя пылинки копоти, накурено было до того, что дымъ клубился во всю вышину комнаты, почти до самаго пола. Монахи и землемѣры стояли другъ противъ друга въ воинственныхъ позахъ и отчаянно ругались въ четыре глотки.

— Шулеръ!!—ревѣлъ Бѣлокрыловъ, подступая къ Александру Ивановичу съ высоко поднятой гитарой въ рукахъ.—Башку распибу, сволочь! Тузъ-то внизу былъ, а очутился у тебя!! Передернулъ, с-нъ с-нъ! Подавай сейчасъ восемь съ полтиной, которые ты съ насъ за все-то время нажулил!!

— Смотри, ты, потише!!—оралъ монахъ.—За такія слова по мордѣ бьютъ!!

Вагинъ всталъ между противниками и развелъ ихъ руками.

— Ты что еще лѣзешь?—завопилъ Бѣлокрыловъ.—Въ морду захотѣлъ?!

Петръ Ивановичъ взялъ его за плечи и такъ трякнулъ, что Бѣлокрыловъ поперхнулся и закашлялся. Монахи, воспользовавшись заминкой, дали тягу.

— Чего лѣзете!?!—злбно закричалъ Сорокинъ.—Силой своей хвалитесь! Не ваше дѣло тутъ, а то...

— Молчать!—разсердился Вагинъ.—Спать ложитесь...

Онъ потушилъ лампу и вышелъ изъ чертежной.

На другой день Бѣлокрыловъ и Сорокинъ хохотали до слезъ надъ разсказомъ Вагина о ночномъ скандалѣ и увѣряли, что совершенно не помнятъ конца ссоры съ монахами. Помнятъ, что замѣтили, какъ Александръ Ивановичъ положилъ себѣ на десятку пиковаго туза, который былъ внизу колоды. И раньше были нѣкоторые признаки нечестной игры монаховъ, но на этотъ разъ Александръ Ивановичъ передернулъ ужъ очень неловко. Бѣлокрыловъ взялъ бывшіе въ банкѣ четыре рубля, Сорокинъ—сколько то изъ денегъ, лежавшихъ около Владиміра Сергѣевича. Началась ссора, а что было дальше, оба не помнили. Заснули тутъ же въ чертежной, Бѣлокрыловъ на лавкѣ, Сорокинъ на полу. Ночью проснулись отъ холода, съ трудомъ сообразили, гдѣ они, и перешли на постели.

Въ сумерки дочь прачки Дуня, румяная, шеголеватая дѣвушка, въ гремящихъ крахмальныхъ юбкахъ, съ туго заплетенной косой, принесла шесть рублей двадцать копеекъ и записку отъ Александра Ивановича, въ которой онъ писалъ, что это весь ихъ выигрышъ, и просилъ расписаться на запискѣ же въ полученіи денегъ.

Землемѣры смутились, но послѣ недолгихъ колебаній взяли деньги и, расписавшись, вернули записку Дунѣ. На этомъ и кончилась карточная игра. Александръ Ивановичъ и Владиміръ Сергѣевичъ до самаго отъѣзда землемѣровъ уже не показывались въ домѣ садовника.

XVIII.

За день до отъѣзда землемѣровъ случилось то, чего такъ боялся Вагинъ въ началѣ работъ,—къ Марьѣ Семеновнѣ присталъ на прогулкѣ пьяный монахъ.

Землемѣры уже распустили рабочихъ и кончали наноску выдѣловъ насажденій на планѣ. Марья Семеновна, соблазнившись солнечнымъ, тихимъ днемъ, пошла погулять по дорогѣ къ Бурлинкѣ. На обратномъ пути, уже въ виду дома садовника, къ ней и присталъ монахъ.

Шла Марья Семеновна и вспоминала, какъ гуляли они по этой дорогѣ съ Петромъ Ивановичемъ на другой день послѣ приѣзда въ монастырь. Тогда поражала пестрота и яркость красокъ, а теперь лѣсъ только двухцвѣтный,—бѣлый съ темнымъ. Хотя темный цвѣтъ разныхъ оттѣнковъ, отъ буро-сѣраго до зеленого, но оттѣнки эти мало замѣтны, и лѣсъ кажется черно-бѣлымъ.

Впереди захрустѣлъ снѣгъ подъ чьими-то ногами. Марья Семеновна подняла голову. Навстрѣчу шелъ мордастый послушникъ съ оловянными, выпученными глазами, вызывавшими представленіе о баранѣ. Онъ покачивался и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, нелѣпо размахивая руками.

Съ перваго взгляда на монаха неприятное безпокойство овладѣло Марьей Семеновной. Она остановилась на раскатѣ, чтобы пропустить монаха. Онъ поднялъ голову и остановился противъ нея, глупо ухмыляясь.

Марья Семеновна хотѣла обойти его, но монахъ растопырилъ руки и, причмокивая толстыми, слюнявыми губами, пробормоталъ:

— М-мамочка... Не пущу. Дай, поцѣлую... Мордашечка ты эдакая...

Марья Семеновна почувствовала, какъ сердце остановилось въ груди, а руки и ноги похолодѣли и обмякли. Она всегда думала, что въ такомъ положеніи съ ней можно дѣлать что угодно, и задохнулась отъ ужаса.

Сквозь рѣдкія деревья опушки виднѣлся домъ садовника. Тамъ Петя. Такъ близко, а ничего нельзя сдѣлать, нельзя сказать ему... Зачѣмъ она пошла гулять? Безумно жаль, что нельзя вернуть, сдѣлать такъ, чтобы этого не было...

— Пустите,—хотѣла крикнуть Марья Семеновна, но произнесла это слово почти шопотомъ.

— Не пущу... Ш-шалишь, ка-нашка... не пущу,—захихикалъ монахъ.—Дай, поцѣлую...

Марья Семеновна оглянулась кругомъ. Въ лѣсу лежалъ глубокой снѣгъ, бѣжать по которому не было никакой возможности. Она совсѣмъ забыла о лежавшемъ въ карманѣ шубки револьверѣ, на который такъ надѣялся Петръ Ивановичъ.

Перегаромъ водки и табаку обдало Марью Семеновну. Монахъ приближался, все время держа руки растопыренными. Марья Семеновна повернулась, чтобы бѣжать назадъ, къ Бурлинкѣ, и увидѣла идущаго навстрѣчу другого монаха.

„Окружили!“, испуганно подумала женщина и дико вскрикнула, почувствовавъ руки мордастаго на своей спинѣ. Но тутъ

узнала въ шедшемъ отъ Бурлинки монахъ Иринарха; безумный страхъ смѣнился радостью.

— Ты что это дѣлаешь, Ѳеодоръ?!—сурово крикнулъ Иринархъ.

Ѳеодоръ опѣшилъ, снялъ мохнатую шапку и, еще больше вытаращивъ бараньи глаза, забормоталъ:

— Я ни-чего, отецъ... Ир-нархъ... п-пошутить только...

Нахлобучилъ шапку и пошелъ въ лѣсъ, увязая по колѣни въ снѣгу.

Петръ Ивановичъ съ перваго же взгляда на разстроенное лицо Марьи Семеновны понялъ, что съ ней что-то случилось.

— Что съ тобой, Маруся?—испуганно спросилъ онъ, бросая циркуль.

Марья Семеновна хотѣла успокоить его, но едва раскрыла ротъ, какъ губы у нея задрожали, словно у обиженнаго и долго крѣпившагося ребенка, изъ глазъ градомъ покатались свѣтлыя слезы.

— Маруся, что ты? Что съ тобой?—спрашивалъ Петръ Ивановичъ, усаживая жену на лавку.—Дайте-ка, пожалуйста, воды...

Марья Семеновна кое-какъ рассказала мужу, въ чемъ дѣло.

Сволочи, облаглѣли,—сквозь стиснутые зубы процѣдилъ Петръ Ивановичъ, и сузившіеся глаза его сверкнули дикой злобой. Онъ надѣлъ шапку и снялъ съ гвоздя мѣховую тужурку.

— На дорогѣ къ Бурлинкѣ, говоришь?—спросилъ онъ, не попадая отъ волненія въ рукава.

— Куда ты, Петя? Что ты?—испугалась Марья Семеновна, сразу переставшая плакать.—Не ходи... Онъ вѣдь совсѣмъ пьяный и ничего мнѣ не сдѣлалъ... Это я такъ... нервы...

— Зачѣмъ пойдешь, голубчикъ,—вмѣшался все время молчавшій Иринархъ.—Пьяный вѣдь Ѳеодоръ-то, вродѣ какъ сумасшедшій... А жену твою не дадутъ въ обиду. Теперь вотъ я подошелъ, а не я, кто-нибудь другой, не звѣри вѣдь... Ну, избеешь ты Ѳедора, искалѣчишь, можетъ быть, а виноватъ онъ только тѣмъ, что пьянъ... Самому же тебѣ стыдно будетъ потомъ и грѣхъ... Не ходи, голубчикъ...

Петръ Ивановичъ злобно взглянулъ на монаха и пошелъ къ двери.

— Петя,—съ особеннымъ выраженіемъ позвала Марья Семеновна.

Петръ Ивановичъ остановился въ нерѣшительности и, нѣсколько секундъ поколебавшись, быстро снялъ тужурку, сердито бросилъ ее на лавку и, нервно потирая руки, пробормоталъ:

— Ну, инъ чортъ съ нимъ...

Уѣхали землемѣры яснымъ, вѣтреннымъ утромъ. Курилась острая поземка, голубыми искрами сверкала подъ солнцемъ снѣгъ, нетерпѣливо переминались озябшія лошади. Съ горы съ веселымъ визгомъ катались на салазкахъ и ледянкахъ мальчишки, въ монашескихъ полукафтаныяхъ; и дѣвчонки.

Поѣхали не прямо въ гору, а кругомъ монастыря—зимникомъ. Прощаться приходили Иринархъ, Александръ Ивановичъ и Авдотья. У амбаровъ, уже на другой сторонѣ монастыря, стоялъ Владиміръ Сергѣевичъ съ записной книжкой, въ которой отмѣчалъ онъ количество мѣръ овса, ссыпавшагося мужиками съ четырехъ подводъ. Бѣлокрыловъ замахалъ шапкой и весело крикнулъ:

— До весны, Владиміръ Сергѣичъ!

Монахъ смущенно улыбнулся и приподнялъ черную мохнатую папаху.

Выбѣжавъ въ гору, лошади сразу прибавили рыси; мелкая снѣжная пыль полетѣла въ лицо, вразбродъ залопотали бубенчики.

— А знаешь, Петя, мнѣ кажется, что пріѣхали мы сюда давно-давно, много лѣтъ назадъ,—задумчиво проговорила Марья Семеновна.

— Это потому, что ты пережила здѣсь много совершенно новыхъ впечатлѣній. Мнѣ и то эти три мѣсяца кажутся чуть ли не годомъ...

Марья Семеновна оглянулась въ послѣдній разъ на монастырь, но его уже не было видно,—скрылся онъ за темно-зелеными, опущенными снѣгомъ вершинами стройныхъ сосенъ.

В. Мартовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)